

HAL
open science

**TEXTBOOKS ON RUSSIAN LANGUAGE AT THE END OF
XIXth-BEGINNING OF XXth CENTURY IN FRANCE
(TEACHING HISTORY)УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ПО
РУССКОМУ ЯЗЫКУ ВО ФРАНЦИИ КОНЦА XIX -НАЧ. XX
В. (ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ)**

Nadejda Kriajeva

► **To cite this version:**

Nadejda Kriajeva. TEXTBOOKS ON RUSSIAN LANGUAGE AT THE END OF XIXth-BEGINNING OF XXth CENTURY IN FRANCE (TEACHING HISTORY)УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ВО ФРАНЦИИ КОНЦА XIX -НАЧ. XX В. (ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ). XLIII philological International Scientific ConferenceXLIII /МЕЖДУНАРОДНАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, Philological faculty of St. Petersburg State University/ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ СПбГУ, Mar 2014, St. Petersburg/САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, Russia. pp.166-177. <halshs-01123971>

HAL Id: halshs-01123971

<https://shs.hal.science/halshs-01123971>

Submitted on 5 Mar 2015

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Кряжева (Кузьмина) Надежда Иннокентьевна
Университет им. Блеза Паскаля (Клермон-Ферран, Франция)

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ВО ФРАНЦИИ КОНЦА XIX- НАЧ. XX В. (ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ)

Период истории Франции, обозначенный в названии статьи, представляется интересным для дидактики русского языка как иностранного по нескольким причинам: именно в это время русский язык впервые находит место в числе научных дисциплин в высшей школе и в качестве учебного предмета в средних учебных заведениях, пополнив число новейших языков, предлагаемых в то время французской системой образования для изучения. Складывается круг первых французских русистов: Луи Леже (1844-1923), Поль Буайе (1864-1949), Жюль Легра (1867-1939), Альфред Рамбо (1842-1905), Анатолий Леруа-Болье (1842-1912), Эмиль Оман (1859-1942), Андре Лирондель (1879-1952), и интенсивно развивается их сотрудничество с научными и школьными кругами России. Формируется корпус научных исследований и учебных пособий по русскому языку, дифференцированных по целям и предназначенных для использования в стенах учебных заведений, под руководством преподавателя. В рамках нашей статьи мы постараемся осветить связи и взаимодействие указанных факторов, определивших национальное своеобразие истории изучения и преподавания РЯ во Франции.

К концу 19 века европейские грамматико-переводные методы видоизменялись за счет сравнительно-исторического компонента, вносимого в учебный материал, а также за счет перехода к работе над связными текстами и через оптимизацию практических упражнений. Происходило их приспособление к требованиям различной направленности обучения, обусловленной диверсификацией учебных заведений и ростом их количества.

С одной стороны, укрепление места живых языков в образовании, особенно в среднем, привело к «взрывному» развитию учебных пособий, появлению многочисленных так называемых «теоретико-практических» курсов, их быстрой специализации. С другой, оно стимулировало появление нового - «прямого», или практического подхода, сторонники которого стремились вытеснить из школы грамматико-переводные методы, как несовместимые с преподаванием новейших языков, считая их применимыми главным образом в изучении языков «мертвых»¹. Был и третий путь с желанием примирить старое и новое.

В этом смысле можно констатировать различие национальных конфигураций иноязычного образования, которое обнаруживается прежде всего при рассмотрении корпуса учебной литературы. Ибо учебник иностранного языка, какое бы название он не имел (грамматика, метод, и т.д.) является памятником культуры, достоверно рассказывающим о многом: в каких условиях, с какими целями он создавался, каковы были представления авторов о природе педагогического процесса и о психологии обучения, об изучаемом языке и его носителях, об отношениях между народами на момент его создания, и т.д.

Начнем с краткой презентации французской учебной литературы по русскому языку. Она невелика, составляет около сорока названий и разделяется на несколько категорий.

Выделим ряд учебных пособий для высшей школы, созданных первыми университетскими русистами. Так, в 1878 году Луи Леже переработал для студентов Коллеж де Франс, Школы восточных языков и Высшей военной школы известную

грамматику Карла Филиппа Рейфа (1821). В дополнение к этому основному учебнику он составил и издал краткие курсы по истории, экономике, литературе, считая сведения из данных сфер знания необходимыми элементами в образовании русиста. Позднее Поль Буайе и Жюль Легра подготовят также свои комплексы учебной литературы для изучения русского языка и России.ⁱⁱ

Учебники для средней школы разрабатывались как правило самими преподавателями коллежей и лицеев, преимущественно парижских, в которые с 1892 года экспериментально вводился новый предмет - русский язык при полном отсутствии каких-либо пособий для его изучения. Поэтому почти сразу же Эрнест Комб, преподаватель РЯ в коллеже им. Станислава (Лещинского) подготавливает и издает для своих учеников курсы «Элементарной русской грамматики» (1892) и краткой истории русской литературы (1896). В 1897 году Виктор Жаклар, после трех лет работы в лицее Кондорсе составляет для его учащихся «Новый сравнительный и градуированный метод РЯ» в трех частях.. Мариус Николя, известный как переработчик русской грамматики Поля Фукса для аудитории взрослых (1872), начинал с приспособления этого учебника (1905) к условиям преподавания в парижском лицее Карно для своих учеников.ⁱⁱⁱ

Продолжают существовать и переиздаваться литература обращенная к публике достаточно неопределенной, ко « всем желающим познакомиться с РЯ» для коммерсантов, путешественников и просто любознательных людей. Раньше она состояла из грамматик Ж-Б. Модрю (1802), Ш.-Ф. Рейфа (1821), Гастона Амоньера (1817), различных «разговоров» и «лексиконов». В интересующий нас период эта литература пополнялась учебниками (грамматиками, самоучителями, курсами) П. Фукса(1872), Пьетро Мотти(1898), Антона Черницкого (1895), Бориса Манасевича(1896), Жюля Корне (1880) и др. Примечательно, что эти же авторы издавали учебные пособия по русскому языку и на других языках, а также и по другим языкам, в рамках таких популярных европейских коллекций как «Метода Оллендорфа», «Гаспе-Отто-Зауэр», «Марк де Валетт» и др.^{iv}

Интересным представляется то, что указанные категории учебной литературы создавались независимо друг от друга, а их авторы не стремились к взаимодействию или сотрудничеству, а скорее наоборот - к противопоставлениям и критике. Для этого были причины и ситуация с введением русского языка во французскую систему образования на протяжении многих лет оставалась непростой.

РЯ в высшей школе

Интерес к славянскому миру, и к России, в частности, и их изучение развивались во Франции с самого начала 19 века, и всегда в прямой зависимости от ее политических интересов. В течение века, например, неоднократно менялось общественное мнение в отношении России, переходившее от настороженности и открытой враждебности к симпатии и желанию сотрудничать в различных сферах.

Официальное внимание к славянским странам, как и осознание необходимости их серьезного изучения в рамках высшей школы, проявились на волне полонофилии, в 1840 г. (и руссофобии) когда по желанию политиков была создана славянская кафедра в Коллеж де Франс (1840-1844) для Мицкевича, польского поэта, эмигрировавшего во Францию. Первая же собственно кафедра русского языка и литературы открывается во времена и атмосфере политического, военного и экономического сближения России и Франции, которое началось с 70 годов и достигло своего апогея в девяностые годы девятнадцатого столетия и в начале двадцатого, период франко-российского альянса. когда главы государств обменивались неоднократно визитами, по их случаю

устраивались официальные торжества, восторженно освещаемые прессой, рекламировалось построение Транссибирской магистрали и другие удивительные возможности бизнеса в России. За этой кафедрой, открытой в 1876 г в Школе восточных языков для Луи Леже (1844-1923), основателя французской славистики и ее первого специалиста по русскому языку и литературе, следует открытие еще двух университетских кафедр: в 1892 году в Лилле и в 1902 в Сорбонне.

Поль Буайе (1864-1949), один из самых ярких представителей первого университетского поколения русистов, с 1891 года разворачивает активную научно-педагогическую деятельность в Школе восточных языков и по словам Андре Мазона «никто не дал такого мощного импульса развитию французской русистики как Поль Буайе, через его школу прошло большинство специалистов, представлявших ее цвет в первой половине 20 века»⁵. Основание Института славянских исследований в 1919 г. В Париже и его научного журнала в 1924 г. значительно укрепили созданный фундамент и стали центром разнообразных исследований о всех славянских странах. Данный ход событий представляется логичным, так как расширение круга специалистов по России и накопление знаний о славянском мире происходило постепенно, в течение столетия...

РЯ и средняя школа

Вхождение РЯ в число предметов преподавания в средней школе, имевшее место с 1892 года, происходило совершенно иначе и практически не было связано с инициативой университетских русистов как можно было бы предположить, ни с популярностью русского языка, ни с какой-либо практической общественной потребностью в нем.

Дело в том, что французская система иноязычного образования в средней школе оставалась крепостью классических языков до 1875 года, т.е. до прихода к власти республиканцев. Новые языки - немецкий и английский - занимали в ней весьма скромное место по сравнению с древними, поскольку они преподавались в качестве дополнительных предметов в последних классах коллежей/лицеев, в объеме 2-3 уроков посвящаемых главным образом основам грамматики, чтения и письма, и оставляя за пределами учения знакомство с литературой и культурой.

Тем не менее, по окончании лицея, по новым языкам предусматривался экзамен на степень бакалавра. Для получения права на преподавание живого языка требовался диплом лиценциата или агреже, т.е. высшая школа так или иначе готовила кадры учителей по этим предметам. В то же время в образованном обществе было широко распространено мнение о ничтожности результатов такого обучения. Эта проблема все чаще обсуждалась на страницах педагогической прессы с середины 19 века.

Борьба за достойное место для живых языков в средней школе за счет вытеснения или ограничения классических приносила успех, начиная с семидесятых годов в большинстве европейских стран. Впрочем, этот процесс был в то же время своеобразным в каждой стране его переживавшей, приобретая иногда исключительную остроту. Во Франции он совпал как мы уже отметили, с началом сближения с Россией, но это было и время «национального шока и унижения», связанное с поражением во франко-прусской войне 1870, утратой территорий Эльзаса и большей части Лотарингии. Немецкая победа приписывалась «прусскому учителю» и преимуществам реальной системы образования, получившей развитие в Германии и обеспечившей ей мощное экономическое развитие. Груз неприязни, идущей до ненависти ко всему немецкому, в том числе и к языку, и культуре, а также желание реванша накапливались в общественных настроениях Франции вместе с укреплением германской империи и власти Бисмарка. В этом противостоянии нужна была достойная альтернатива немецкому языку.

Именно тогда русский язык и появляется, а скорее вторгается на сцену французского среднего образования, которое впрочем оказывается не готовым его принять.

Дело в том, что этот язык был включен в преподавание с 1892 года (время первых важных договоров с Россией) волевыми методами, приказом тогдашнего министра образования Виктора Лебуржуа, активного сторонника франко-российского альянса в пяти парижских лицеях : (Шарлемань, Луи-ле-Гран, Кондорсе, Мишле, Жансон-де-Сайи), а также нескольких провинциальных : Сэнт-Омер, Лангр, Лон-ле-Соннье. Кроме того, муниципалитеты городов Бордо и Марселя финансировали открытие свободных курсов русского языка для всех желающих.

Нововведению обеспечивалась мощная медийная поддержка. Сторонниками широкого франко-российского сотрудничества с начала 90 годов издавался ряд журналов, по мнению современных исследователей, «загруженных» стереотипами о России. Целью являлось рекламирование России как экономического и культурного партнера, привлечение французских предпринимателей в эту страну, с целью вытеснить из нее немецких конкурентов. Необходимость изучения русского языка, таким образом, связывалась с будущим экономическим успехом Франции в России уходом от влияния Германии. И преподавание РЯ должно было стать одним из рычагов в этом предприятии. Казалось бы это был действительно благоприятный момент для введения РЯ, ведь в целом назрели и происходили положительные перемены в отношении живых иностранных языков. Однако все оказалось не так просто...

Поскольку внезапное «русофильство» министерства образования являлось на самом деле данью злобе политического момента, желанием как-то отметить заключение франко-российского альянса, освобождавшего от германского влияния. Для РЯ была задумана роль вытеснителя немецкого языка из средней школы.^{vi}

О проблемах, находках и неудачах в преподавании РЯ

«Сюрпризное» введение русского языка в 1892 году в среднюю школу было воспринято практически в штыки университетскими русистами, считавшими этот акт министерства необдуманным и даже вредным для РЯ во Франции. Они сразу же подвергли критике нововведение. Луи Леже прямо заявил на страницах печати, что министерство «ставит телегу впереди лошади» ибо нет учебников РЯ, нет квалифицированных преподавателей. В отношении учителей РЯ, поспешно набранных из числа носителей языка, он отзывался очень ядовито. Они полагают, писал он, что профессия учителя очень проста и требует от кандидата только одного — родиться на свет. С его точки зрения, русскоязычные претенденты, не владеющие грамматикой обоих языков сознательно, теоретически, могут нанести только вред делу, их можно допускать к преподаванию лишь в качестве помощников, т.е. репетиторов, но не к преподаванию грамматики. Он имел ввиду конкретных людей, которым было поручено преподавание РЯ (Е. Гальперина-Каминского, М. Каннера, не имевших педагогической подготовки и французских университетских дипломов). Те, в свою очередь, защищались, заказывая хвалебные статьи журналистам, «работавшим на альянс» с Россией.

На месте преподавателей РЯ Леже хотел бы видеть французов с опытом преподавания своего родного в России, а таковых было мало и они не шли преподавать язык, не дающий прочного положения в школе. Вместе с тем, Леже утверждал, что вообще РЯ не может быть языком массовым, он должен являться элитарным элементом образования в учебных заведениях с древними языками, без навыка изучения которых РЯ рискует оказаться малодоступным французским учащимся. Он настаивал таким образом на общеобразовательном и культурном значении РЯ, так как не видел перспектив его

использования в предполагаемых практических целях^{vii}. Такой подход шел вразрез с мечтами сторонников экономической экспансии в Россию, которые желали постепенно сократить преподавания немецкого языка в средней школе, заменяя его русским. Действительно, первоначальный «медийный» успех (газеты сообщали о массе желающих изучать РЯ) быстро прошел и обернулся некоторым разочарованием: число учащихся уменьшалось, недовольство школьного руководства и родителей нарастало.

Для этого были серьезные причины. Место и статус русского языка в системе образования оставались неопределенными. Относясь к новым языкам, русский язык не являлся особо привлекательным, в том смысле, что его изучение в школе не давало действительного профессионального выхода и даже до не вело к диплому бакалавра ...В то же время, его репутация как языка трудного, обусловила его включение лишь в программы лучших классических лицеев в Париже, обучение языкам в которых преследовало общеобразовательные, культурные цели. Эксперимент продолжался десятилетие и завершился закрытием большинства классов РЯ в средней школе

Этот конфликт и различия в отношении к РЯ, к его месту и назначению в системе образования отразились в учебной литературе, появившейся в данный период.

В этой связи важно отметить, что формирование университетских русистов как ученых исследователей происходило в тесном контакте с российской наукой, они начинали свой путь как слависты с длительного, по несколько лет, пребывания в России. Они разделяли многие лингвистические взгляды с такими учеными, как Ф.И. Буслаев (1818-1897), И.И. Срезневский (1812-1880), Ламанский В.И. (1833-1914) Грот Я.К. (1812-1893) А.А. Шахматов (1864-1920), Ф.Ф. Фортунатов (1848-1914) др.

Различные стороны их сотрудничества достаточно известны в истории русистики (очерки и статьи Бориса Унбегауна (1929), Андре Мазона (1933), Шарля Веренка (1985), Жана Брейяра (2010) и др.)

В то же время почти никогда не затрагивалась тема общности взглядов ученых на методы преподавания иностранных языков, в частности, Луи Леже и Поля Буайе, хотя они являлись разработчиками учебных книг и материалов для студентов.

Рассматривая учебные пособия, созданные во Франции и в России по новым языкам, мы пришли к выводам, которые представляются нам интересными.

Леже и Буайе, написавшие учебники РЯ для своих студентов (соответственно 1878 и 1906), в целом придерживались грамматико-переводного подхода (в его аналитическом и синтетическом вариантах), как и многие их современники, что конечно не является новостью.

Новые задачи обучения языкам вели к видоизменениям традиционных методов или отказу от них в пользу новых. Появлялись и компромиссные решения с желанием примирить старое и новое. Одно из них получило воплощение в российской концепции сознательно-сопоставительного изучения языков в разработке Ф.И. Буслаева и Я.К. Грота. После многочисленных дебатов между сторонниками и противниками классических языков и «классического» образования, именно вариант Буслаева-Грота, делающий упор на родной язык как основу и уравнивающий роль новых и древних языков в обучении, был принят в российских учебных заведениях и получил официальное закрепление с реформы 1871 г.^{viii}

Этот вариант оказался привлекательным и для французских русистов, которые живо интересовались ходом дискуссий, находясь именно в эти годы в России, многие замечания в их мемуарах и записках об этом свидетельствуют.

Кстати, представитель с французского министерства знакомившийся в 1878 г. с организацией образования в России, в своем обзоре отмечал как очень интересную, *«идею комплементарности в преподавании новых и древних языков»*, при обсуждении которой он присутствовал в комитете российского образования.^{ix}

Позднее, Андре Лирондель, русист и государственный чиновник, в 1909 году также писал, с некоторым восхищением о функционировании слаженного ансамбля языков – новых, древних и родного- в российских гимназиях^x.

Именно данный подход воплотился в учебной литературе по русскому языку как иностранному во Франции, в частности для высшей школы. Начинаящие изучать РЯ в университетах или в Школе восточных языков имели уже достаточно серьезную подготовку по языкам древним и владели сознательно грамматикой родного языка, поэтому было логично строить обучение русскому языку опираясь на базу, созданную в лицеях. «Педагогическая формула» Буайе заключалась в разделении теории и практики в преподавании РЯ. Преподаватель знакомил учащихся с различными языковыми явлениями, объясняя их механизм, сравнивая с родным и другими языками, привлекая сведения культурного плана. «Репетиторы», т.е. русскоязычные помощники преподавателя, занимались (под его руководством) исключительно развитием навыков произношения, письма и устной речи, дополняя основное преподавание. Так, в 1914 г в Школе восточных языков работало 5 преподавателей и 8 репетиторов, каждый из них проводил по три занятия в неделю. В своем теоретическом преподавании Буайе придерживался двух принципов :« абсолютная ясность в объяснении языковых явлений взятых в синхронии» и постоянная «связь с культурным контекстом». Учебники русского языка Леже, Поля Буайе, Жюля Легра вполне соответствовали требованиям сознательно- сопоставительного подхода в разработке Буслаева и Грота, успешно воплотившегося в учебниках по иностранным языкам в России.

Рассмотренные факты объясняют, почему «сюрпризное» введение русского языка в 1892 году в средней школе рассматривалось первыми учеными русистами как неподготовленное и плохо продуманное мероприятие

Отторгая «германскую педагогику» большинство авторов учебников для средней школы, не имевших собственной методической концепции, которая могла бы служить задачам «практического» овладения языком, почти вынужденно опирались на модели учебников «по Оллендорфу», по «Отто-Гаспе-Зауэр», и лишь много позднее на модель Марка де Валетт, сторонника «прямых методов» в преподавании новейших языков.

В то же время среди книг для средней школы отметим учебники Эрнеста Комба (1852-?) переводчика, драматурга, и преподавателя русского языка. Он учился у Поля Буайе в Школе восточных языков и старался, как он пишет сам в предисловии, быть «предельно ясным и рациональным» как и его наставник в объяснении основных правил русской грамматики и в подборе словаря для примеров и упражнений. Как и Поль Буайе, он составил в дополнение курса грамматики учебное пособие, знакомящее с наиболее значимыми произведениями русской литературы.^{xi}

Особенного внимания заслуживает учебник, разработанный Виктором Жакларом (1843-1900), преподавателем русского языка в парижском лицее Кондорсе (1893-1898), а раньше в семидесятых годах учителем французского языка в Санкт-Петербурге^{xii}. В России кстати Жаклар больше известен как революционер, активно участвовавший вместе со своей женой Екатериной Корвин -Круковской в событиях Парижской коммуны.

В предисловии к своему учебнику РЯ Жаклар указывал, что основывался на «генетической методе» Евгения Варона(?-1886), своего наставника на педагогических курсах в Петербурге. Варон же являлся одним из авторов популярных учебников по ФЯ, рекомендованных Министерством образования для средних учебных заведений в России со времени реформы 1871 года^{xiii}. По своей структуре и содержанию учебник В. Жаклара действительно очень близок к российским *концентрическим* (*прогрессивным, градуальным*) учебникам по иностранным языкам, созданным в рамках сознательно-сопоставительного подхода Буслаева-Грота^{xiv}. «*Сравнительный и градуальный метод РЯ*» Жаклара состоит из трех книг, каждая из которых разделена на 20 уроков. Содержание каждого урока рассчитано на работу над различными сторонами рассматриваемых языковых единиц и синтаксических явлений. В них присутствуют сопоставления с родным языком, объяснения, примеры и упражнения различной трудности. Каждый урок содержит небольшие диалоги или связные тексты с лексикой урока. Принципы постепенного, *концентрического* освоения изучаемых явлений выдерживаются во всех трех частях учебника. Такое сходство представляется вовсе не случайным, а свидетельствует об общности взглядов их разработчиков. Учебник Жаклара несомненно мог бы послужить делу гармонизации преподавания русского языка в средней и высшей школах, как и ослаблению конфликта между ними во Франции рассматриваемого периода, так как был построен в духе лингводидактической концепции, признанной в высшей школе. К сожалению этого не произошло. В силу сложившихся обстоятельств такой шанс оказался упущенным. Почти сразу после публикации своего пособия, вышедшего небольшим тиражом, Жаклар оставил преподавательскую деятельность, классы РЯ в лицее были закрыты, а учебник оказался преданным забвению.

Примечания

iPuren Chr. Histoire des méthodologies de l'enseignement des langues. Paris : Nathan-CLE International, 1988. P. 42-57.

iiСм. например, *Reiff Ch. Ph.* Grammaire russe avec des tableaux synoptiques pour les déclinaisons et les conjugaisons, des thèmes ou exercices gradués, le corrigé de ces exercices et l'accentuation de tous les mots russes par Ch.Ph.Reiff. Revue, corrigée et augmentée par *Louis Léger*, professeur de russe à l'École des langues orientales et au Collège de France. 4^eéd. P., 1878; 5e éd. P., 1886. [Русская грамматика со сводными таблицами склонений и спряжений, текстами, ступеньчатыми и корректировочными упражнениями, а также ударением для всех русских слов... переработанная *Луи Леже*, профессором Школы восточных языков и Коллеж де Франс]
Léger (Louis) Chrestomathie russe. Morceaux choisis et annotés par Louis LEGER professeur au Collège de France et à l'École supérieure de guerre. Armand Colin et Cie, Editeurs, 1895, 278 p.
[Русская хрестоматия. Избранные отрывки. Аннотации Луи Леже, профессора в Коллеж де Франс и в Высшей военной школе]
Léger L. Russes et Slaves. Études politiques et littéraires. Trois volumes. Paris: Hachette, 1889, 1897, 1899. [Русские и Славяне. Политические и литературные этюды. В трех томах.]
Léger L. La Littérature russe. P., Colin, 2e édition, 1903. [Русская литература]
Léger L. Souvenirs d'un slavophile (1863-1897). P.: Hachette, 1905 [Воспоминания славянофила]
Léger L. Histoire de Russie. P., Larousse. 1907. [История России]
Léger L. Histoire de la littérature russe. Par Louis Léger, membre de l'Institut, correspondant de l'Académie de Saint-Petersbourg. P., Larousse, 1908. [История русской литературы. Луи Леже, член Французского Института и член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии]
Boyer P. et Spéranski N. Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique. Par *Paul Boyer* professeur à l'École des Langues orientales et *Nikolai Spéranski* ancien répétiteur à l'École des langues orientales. P., 1905; 6e édition. P., Armand Colin, 1947.
[Учебник русского языка. Тексты с ударением. Грамматические комментарии. Различные заметки в приложении. Словарь. *Поль Буайе*, профессор Школы восточных языков и *Николай Сперанский*, бывший репетитор Школы восточных языков. Шестое издание, П.: Арман Колен 1947]

iii *Combes Ernest* Grammaire russe élémentaire par Ernest Combes, professeur de russe au collège Stanislas P., Fischbacher, 1892. [Элементарная грамматика русского языка, составленная преподавателем русского языка коллежа им. Станислава]; *Combes Ernest* Profils et types de la littérature russe, par *Ernest Combes* professeur au collège Stanislas. P., Fischbacher, 1896 [Профили и типы русской литературы]; *Fuchs Paul* Nouvelle grammaire russe contenant outre les principales règles de la langue russe, des thèmes, des lectures et des conversations. Revue par *Marius Nicolas*, agrégé de l'Université, professeur de russe au lycée Carnot. Paris - Heidelberg, Jules Groos, Editeur, – Méthode Gaspey-Otto-Sauer. 392 p. 1906; 1915; 1921 [Новая грамматика русского языка, содержащая основные правила русского языка, тексты для переводов, чтения и разговоров, переработанная *Мариусом Николя*, агреже Университета, преподавателем русского языка в лицее Карно]; *Jaclard Victor* Méthode nouvelle comparative et graduée pour l'étude de la langue russe. En trois parties. Par professeur de la langue russe au lycée Condorcet. P. : Garnier, 1897. [Новый сравнительный и градуальный метод изучения русского языка. В трех частях. *Жаклар Виктор*, преподаватель русского языка в лицее Кондорсе. П.: Гарнье, 1897]

iv *Fuchs Paul* Grammaire russe à l'usage des Français. Nouvelle méthode de H.G. Ollendorff pour apprendre à lire, à écrire et à parler une langue en six mois. Francfort sur M., 1874. – Gaspey-Otto-Sauer- 543 p. [Грамматика русского языка для французов. Новая метода Г.Г.Оллendorфа научиться читать, писать и говорить на иностранном языке за шесть месяцев. *Поль Фукс*, преподаватель многих языков и составитель словарей. Франкфурт-на-М.: Жюль Грос. 1874. Коллекция Гаспе-Отто-Зауэр]

Fuchs Paul Nouvelle grammaire russe contenant outre les principales règles de la langue russe, des thèmes, des lectures et des conversations. Deuxième édition revue par *Alexandre Tuppfer*, professeur à Saint-Petersbourg. Heidelberg, Jules Groos, Editeur, 1888. – Méthode Gaspey-Otto-Sauer. 392 p. [Новая грамматика русского языка, содержащая основные правила русского языка, тексты для переводов, чтения и разговоров. Второе издание, переработанное Александром Тюпперфом, преподавателем из Санкт-Петербурга]; *Motti Pietro* Petite grammaire russe. J.Groos, 1898. Gaspey-Otto-Sauer [Краткая русская грамматика]; *Tchernitsky A.* Nouvelle méthode théorique et pratique de la langue russe d'après la méthode Robertson, à l'usage des cours publics et populaires. C.Leroy, 1895 [Новый теоретический и практический учебник русского языка по методу Робертсона для публичных и

частных курсов]; *Массок Л.-И.* Лекции по русской грамматике читанныя в Бордоском Атенее Л.-И. Массоком преподавателем русского языка. *Leçons de grammaire russe faites à l'Athénée de Bordeaux par L.Massoc professeur de langue russe.* Deuxième édition. Bordeaux, 1900.

v *Mazon André* La Science française. P.: Larousse, 1933

vi[«Сделав нас в очередной раз смешными, увлечение прусской педагогикой уменьшается; легенда о «школьном учителе, победившем в битве под Садова» уходит в небытие, как и многие другие, и французы начинают понимать, что они могут быть полезными гражданами, честными людьми и счастливыми воинами и не говоря по-немецки. Эта мода проходит, потому что она была слишком распространена; ... И этот поворот в умах совпадает с политической эволюцией. Авторитарная Россия протянула руку республиканской Франции; наши народы прекращают смотреть друг на друга с пренебрежением; мы для них больше не кровожадные якобинцы, казнившие своего короля, а они для нас далеко не варвары. Не доказывает ли это, что даже самые плохие из людей чувствовали бы меньше взаимной неприязни друг к другу, если бы больше знали друг о друге? Направление движения задано...и поскольку во Франции люди увлекаются постоянно чем-то иностранным, русский язык здесь станет модным лет на тридцать, до тех пор пока не придет мода на китайский.] **Combes E.** *Profils et types de littérature russe.* P., 1896, Préface, p.1[Профиль и типы русской литературы]. Из предисловия. с.1 перевод наш. Н.К.

vii *Léger L.* Russes et Slaves. Études politiques et littéraires. Т.3 .1899 – P. 119-138 [Русские и Славяне. Политические и литературные этюды.]

viii См. об этом: *Кряжева Н.И.(Кузьмина)* «Метода академика Я.К.Грота» в учебных пособиях по иностранным языкам конца XIX века.// *Русский язык в культурно-историческом измерении.* М., 2012.

ix *Hippeau Celestin*(1803-1883)*L'instruction publique en Russie.* P., 1878 : XXX, 11

x *Lirondelle André* L'enseignement des langues vivantes et particulièrement du français dans les établissements de l'enseignement secondaire en Russie. P., 1909. [Преподавание французского и других новых языков в средних школах в России] см. также: *Khanikof N.* Études sur l'instruction publique en Russie. P., Gauthier-Villars, 1865[Очерки о системе народного образования в России].

xi См. примеч. iii

xii См. примеч. iii

xiii *Varon Eugène* Cours élémentaire méthodique et pratique de langue française à l'usage des Russes . Spb., 1872 ; Helsingfors, 1874. [Элементарный градуированный и практический курс ФЯ для русских]; Он же: *Syntaxe française à l'usage de la jeunesse russe.* Spb., 1882 [Синтаксис ФЯ. Для российского юношества].

xiv См. например: *Фену А.* (Fenou Н.) Французская грамматика в сравнении ее с русской. Пособие для учащихся и учителей, не успевшим изучить русского языка теоретически. СПб.: изд-во И.А.Исакова, 1871; *Игнатович В.С.* Концентрический учебник французского языка сравнительно с русским и латинским, состоящий из трех частей. Курс элементарный (Третья глава на связном тексте). Ч.1. Издание 17. СПб., 1899.